

В десятом часу утра поезда метро ходили уже реже, и в вагоне было тесно. Евгений Васильевич, как всегда, опаздывал на работу. Начальство смотрело на такие вещи сквозь пальцы: мало получают, лишь бы не увольнялись.

Придя в отдел, он взглянул на термометр, висевший между портретами Багратиона и Керенского. Плюс семнадцать. Он взял написанные им вчера черновики ответов на запросы: четыре положительных ответа и два отрицательных. На отрицательных взгляд его задержался. Он написал людям, обратившимся в архив за необходимыми им «решениями», что документы не обнаружены. Но заявители могли ошибиться и нужные им документы были не «решениями», а «указаниями». Поискать же среди «указаний» означало потратить дополнительное время, и тогда количество запросов, исполненных Евгением Васильевичем за квартал, было бы меньше, а он не хотел неприятностей.

Евгений Васильевич набрал ответы, распечатал, исправил опечатки и положил все на стол начальника в папку «На подпись». Потом сдал Алле сто рублей на день рождения работавшей этажом ниже Клавдии Ильиничны, которую терпеть не мог.

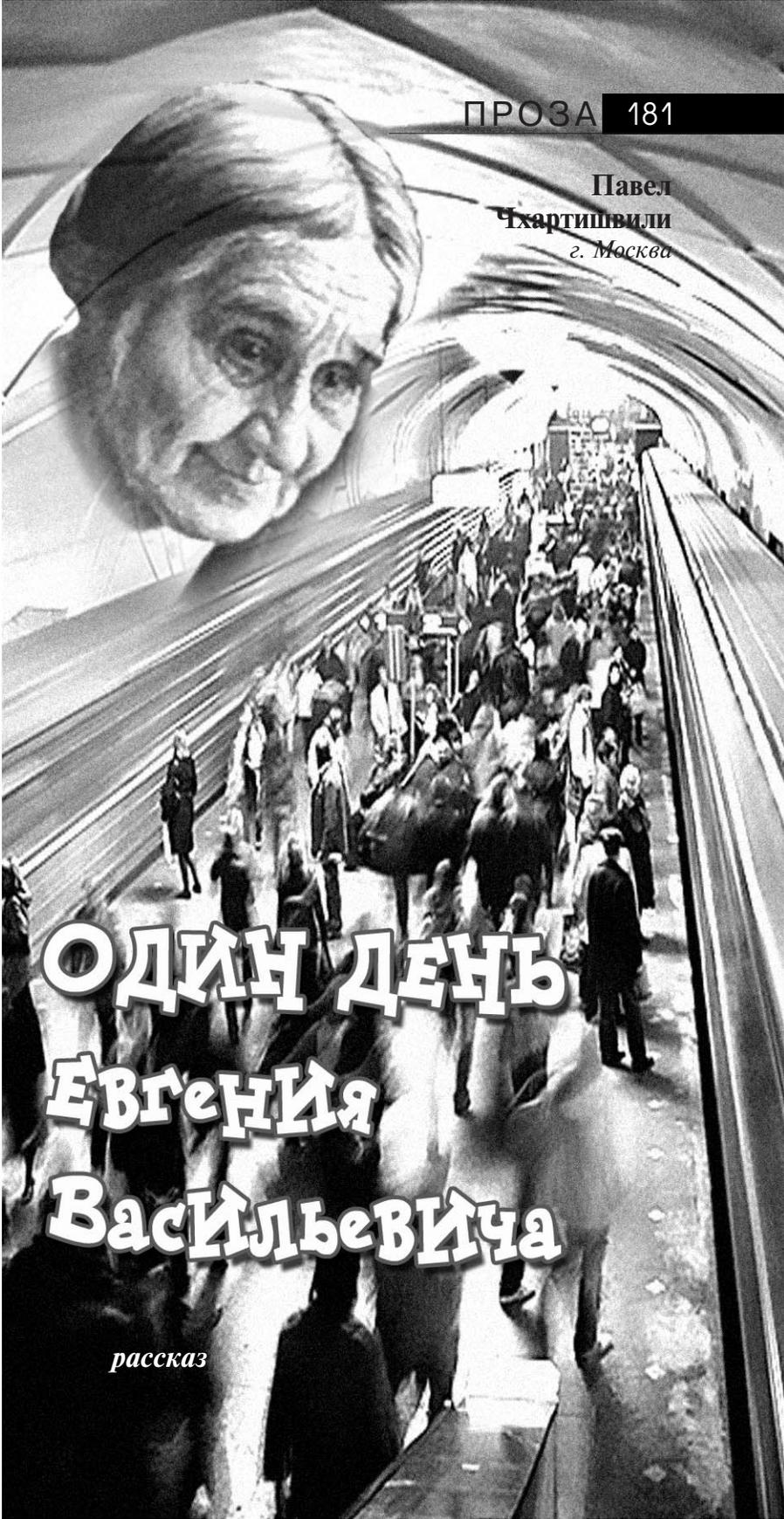
Солнце в отдел заглядывало в декабре в четверть двенадцатого. Зазвонил телефон.

— Архив, — сказал Евгений Васильевич.

— Москва?

ПРОЗА 181

Павел
Чхартишвили
г. Москва

ОДИН ДЕНЬ ЕВГЕНИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

рассказ

– Да.

– Я звоню из Грозного. Я здесь проработала пятнадцать лет в детском саду. Мне надо это подтвердить для пенсии. Наш Чеченский архив сгорел во время войны. Ваш архив может мне подтвердить?

– Ни один московский архив не сможет подтвердить.

Снова звонок.

– Архив?

– Да.

– Мне нужна справка для пенсии о моей работе в строительном управлении №...

– В Москве работали?

– В Москве. Я обращалась в архивы на Мотозаводской улице, на 4-й Фрунзенской. И везде ничего.

– В Главный архив города пробовали?

– Так меня оттуда к вам направили.

– Извините, строительные управления мы не храним.

Евгений Васильевич открыл папку, на которой лет тридцать назад написал «Новые запросы». Лежавший сверху запрос оказался из сибирского города. Заявитель просил подтвердить награждение его юбилейной медалью. Евгений Васильевич сказал боссу:

– Я к Старовойтовой.

Через несколько минут он был уже там, постучался и вошел:

– Как говорит маршал на параде, здравствуйте, товарищи.

В комнате три женщины пили чай с бутербродами. В архиве имелась столовая, но из сотен работавших в нем людей лишь десяткам она была по карману.

– Евгений Васильевич, – сказала заведующая, – мы только сели.

Она имела в виду, что время обеденного перерыва кончилось, но в обед они выполняли срочное задание, пришедшее сверху.

– Приятного аппетита, – вежливо пожелал Евгений Васильевич.

– Вы чего хотели?

– Указ к столетию Ленина по (такому-то) министерству.

– Да он в тридцати томах. Идите, смотрите на месте.

Евгений Васильевич взял ключ, вышел из комнаты и отпер дверь в хранилище. Что томов было тридцать – это совсем не страшно. На титульном листе каждого тома перечислялись предприятия, включенные в него. Уже в восьмом деле оказался нужный завод, среди награжденных по которому он быстро, по алфавиту, нашел заявителя – №218 по списку. Евгений Васильевич запер хранилище, вернул ключ, расписался за три дела. Женщины убрали со стола посуду. Он пошел на ксерокс.

Матвеич был на месте.

– Привет, Витек! – поздоровался Евгений Васильевич.

– Здорово.

– Четыре листочка не сделаешь?

– Подписи собрал? – ехидно поинтересовался Матвеич.

Весь архив тяготился процедурой оформления разрешения на копирование.

– Четыре листочка всего!

– Все вы так. Несете, несете целый день, кому – два листочка, кому – четыре. Только это вас интересует. А на меня вам наплевать. Хоть бы один спросил: «Как себя чувствуешь, Матвеич?» Все, увольняюсь.

Матвеич обещал уволиться уже лет пять.

– Как себя чувствуешь, Матвеич? – спросил пристыженный Евгений Васильевич.

– Отстань, – отрезал Витек.

Он взял дела с четырьмя закладками. Евгений Васильевич следил, чтобы копии получились качественные.

Указ. За доблестный труд. По ... металлургическому заводу. № 201–№ 230... Подгорный, Георгадзе.

Евгений Васильевич сказал:

– Спасибо, Витек.

– Не за что, – буркнул Матвеич.

Евгений Васильевич пошел к себе. Навстречу по двору шествовали кот, кошка и четыре котенка. У Евгения Васильевича было хорошо на душе.

Солнца в отделе уже не было. День катился дальше. Позвонила давняя знакомая из редакции «Архивных вопросов»:

– Жека, ты что, забыл? Сегодня последний день.

— Ой, извини, шас привезу.

Он разложил ксерокопии на столе и полюбовался:

Историческая справка. Перерепенко Иван Иванович. Работал в системе Наркомснаба. Скончался в 1949 году. В 1951 году был направлен на дипломатическую работу.

Постановление: переименовать город Тверь в город Калинин. Подпись: М.Калинин.

Постановление. О борьбе с очередями в Москве. Лиц, стоящих в очередях, привлекать к административной, а при повторении — к уголовной ответственности.

О награждении митрополита Николая орденом Трудового Красного Знамени...

Евгений Васильевич отпросился на час и отвез свои очередные находки в редакцию. Вернувшись, сдал Старовойтовой три взятые утром дела. Теперь надо было зашифровать изготовленные Матвейчем ксерокопии. В шкафу обычно лежал специальный штамп: «Фонд №..., описание №..., дело №..., лист №...». Штамп на месте и на соседних столах не было. Утащили соседи, понял он и пошел к ним. Но штампа не было и там.

— Аллочка, штамп не брали?

— Евгений Васильевич, только что издательский сектор унес, за ним заняла очередь Клавдия Ильинична.

Евгений Васильевич вернулся к себе и попросил начальника:

— Дай что-нибудь поделать минут на сорок.

— Могу только на два дня.

— Нет, спасибо.

На градуснике было уже семнадцать с половиной. В ящике стола оставались две конфетки. Евгений Васильевич попил чайку и согрелся. Потом подошел к большому листу с заголовком: «Основные заповеди архивиста, или Как выжить в отделе ответов». Больше всего ему нравилась заповедь, придуманная шефом: «Поиск архивных документов для заявителей — дело рук самих заявителей». Резвился весь отдел: «Чем скорее исполнишь запрос, тем скорее получишь следующий... Самые интересные документы в архиве — ведомости на премию и меню в столовой... Не занимай телефон служебными разговорами... Старайся за-

кончить рабочий день досрочно». Внизу находился поэтический раздел. Из трех поэтов их отдела способности были только у Алки: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о запросе и ответе ... Где аванс? Мала получка. Тает денежная кучка!.. Если чаю не попьешь, документов не найдешь».

Срок истек, и он позвонил:

— Здрасьте, Клавдия Ильинична! У вас штампик не освободился?

— За ним приходили из отдела справок. Звоните туда.

Он позвонил. Там пообещали, что девушка принесет через полчаса. Наверное, Берия¹ разрешил иметь только один штамп, подумал Евгений Васильевич, за это Берию потом расстреляли, но второй штамп так и не сделали.

Не дождаввшись прихода девушки из отдела справок, он смылся домой, чтобы проскочить до пика вечерней давки в метро. В вагоне поезда он обратил внимание на женщину примерно его лет, полную, протискивавшуюся между пассажирами в его сторону. Через секунду он понял, что она пробирается именно к нему. «Чего ей от меня надо?» — удивился он. И тут его пронзило: это была Вера Игнатьевна.

— Женька! Я тебя сразу узнала.

— И я, — соврал Евгений Васильевич.

— Как живешь?

— Нормально.

— Слушай! В воскресенье в два часа собираемся у Хамидулиных. Тридцать пять лет окончания института. Приходи!

— Да я вообще никуда не хожу, — завел вольнку Евгений Васильевич. — Меня из дома не вытащишь.

— Приходи, — повторила Вера и добавила: — Моя остановка.

— Привет мужу.

— А ты по-прежнему хочешь на его место?

— Нет, — опять соврал Евгений Васильевич.

Он смотрел ей вслед, и снова большой красивый белый катер нес худенькую девушку и обнявшего ее юношу в Севастополь, соленый

¹ В 1938–1960 годах государственные архивы входили в систему НКВД–МВД СССР.

ветер трепал черные волосы Веры, ее голубые глаза смотрели на Женю Маняхина и любили его, а на корме хохотали над чем-то морские пехотинцы в черных беретах, и лежало вокруг огромное море, бесконечное, как его жизнь сорок лет назад. «Следующая станция — «Орехово», — услышал Евгений Васильевич. Он вспомнил, как на третьем курсе, когда до конца финального матча на кубок института оставалось семь минут, а счет еще не был открыт, он выложил классный, длинный, точнейший пас в ноги Стасику Игнашкину (живившемуся потом на Вере), Игнашкин пихнул мяч, и мяч вкатился в ворота, и Стаська узнал всеинститутскую славу, а про Женю Маняхина забыли.

В овощном отделе универсама не было ни одного огурца, в молочном — его любимого двухпроцентного творога. Ну и рынок, подумал Евгений Васильевич, прямо Бельгия. Он купил батон с лирическим названием «Полушко», яйца и кефир.

Полгода назад он похоронил старенькую маму и теперь жил один в двухкомнатной квартире. Переделав к восьми часам домашние дела, он взял из шкафа толстую тетрадь с собственными стихами. В прежние годы он отбирал в ней что получше и посылал во «Флаг», «Молодость», «Новый Рим». Ему казалось, что журналы печатают своих, знакомых, известных и надо продолжать попытки, чтобы однажды пробить эту стену. Потом до него дошло, что он не Пастернак, и он уже сочинял, не рассылая.

*Прости за все, в чем виноват,
Прости за голос твой и взгляд.*

Это место казалось ему удачным. Евгений Васильевич отложил тетрадь, сел в кресло и взял пульт. Ему не очень нравился Первый канал, но, будучи архивистом, привыкшим к нумерации листов и вообще к систематизации, начинал всегда с первой кнопки.

Ведущий говорил:

— ...Елена Стахова выдвинута кандидатом в Президенты Российской Федерации от партии «Свобода и порядок». — Елена Николаев-

на, Ваша партия не преодолела семипроцентный барьер. Как Вы оцениваете свои перспективы второго марта?

Елена Николаевна, видимо, оценивала свои перспективы без малейших иллюзий. Она сказала:

— Вспоминая мысль одного нашего писателя, хочу подчеркнуть, что сегодня многим возможным сторонникам партии «Свобода и порядок» не до политики. Но со временем эти люди найдут достойную работу с достаточной зарплатой, обзаведутся приличным жильем для своей семьи. И тогда они заметят: а в подъезде-то грязно, а во дворе-то непорядок, а в городе, а в стране что-то не то. И наша партия объяснит им, почему «что-то не то» и как сделать, чтобы было «то».

— Зачем же ждать так долго? — удивился ведущий. — Объясните им сейчас.

— Пожалуйста, — улыбнулась кандидат. — Прежде всего, надо жить по законам, божеским и человеческим. Все религии учат добру. Мне ближе всего православие. Очень хочется жить по-христиански и перечитывать, перечитывать самую современную книгу — Новый Завет. Например, когда погружаешься в проповедь апостола Павла, так и хочется сказать: «Нет серба, албанца, абхазца, грузина, палестинца, израильтянина, есть только соседи по планете». Две тысячи лет учению Христа, и две тысячи лет Земля продолжает умываться кровью человеческой. Пора возлюбить ближнего. Нам, россиянам, надо любить каждого соотечественника, любить свою страну. Причем любить такой любовью, которая принесет России пользу, а не горе. Я — вузовский преподаватель, и хочу напомнить телезрителям, что бывает такая любовь к Родине, которой следует опасаться, отправляясь на избирательный участок.

В культурной европейской стране большинство избирателей, страдая от национального унижения и материальных лишений, проголосовали за человека, который убедил их, что любит их и Родину так сильно, как ни один политик до него. Через несколько лет миллионы мужчин этой страны были убиты или искалечены на войне, затеянной «сверхпатрио-

том», многие женщины, дети, старики сгорели заживо в своих квартирах под бомбами, страна была оккупирована, четвертована, понесла колоссальные территориальные потери, платила репарации.

Я уже говорила, что жить надо по законам. Тогда будут решены многие проблемы. Исполнять законы бывает нелегко или невыгодно, но законность — спасительный рецепт при переходе от военно-феодалного социализма к следующей формации — капитализму. Его дикая, первоначальная стадия сегодня закономерно торжествует в России. Остановить развитие прогрессивной формации невозможно. Можно приостановить, задержать — это удалось в 1917 году большевикам — утопистам и реакционерам.

Второго марта избиратель, войдя в кабину, должен поставить галочку против фамилии того кандидата, который лучше других обеспечит постепенный, продуманный и наименее болезненный переход к процветающей рыночной экономике — фундаменту порядка в России и свободы в ней.

Стахова вздохнула и замолчала. Включился ведущий:

— Хочу от имени телезрителей поблагодарить госпожу Стахову за то, что она нашла время прийти к нам. Мне кажется, российские

избиратели хотят дожить до светлого будущего, но боятся погибнуть во время наименее болезненного перехода к нему. Спасибо, уважаемая Елена Николаевна, приходите к нам еще.

Евгений Васильевич нажал пятую кнопку. Но там передавали слишком сложную музыку.

Самым мудрым русским писателем Евгению Васильевичу казался Лев Толстой, самым тонким — Чехов, самым гениальным — Достоевский. Он взял том, в котором было напечатано «Село Степанчиково»; еще раз взглянул на большую мамину фотографию, висевшую над телевизором. Ему вспомнилось, что в больнице накануне смерти к маме вернулось сознание и она тянулась к рукаву его белой рубашки, чтобы проверить, не заношен ли рукав.

Он снова сел и вытер слезы.

2007–2010 гг.

Павел Шалвович ЧХАРТИШВИЛИ

родился в 1948 г. в Москве.

Окончил исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова.

36 лет работает в Государственном архиве РФ,

почетный работник этого архива.

Публиковался как историк-архивист в журналах «Вопросы истории»

и «Преподавание истории в школе», в «Независимой газете».

Живет в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

